

Ирина Захариева

**ПОЭМА ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА “ТРИ СВИДАНИЯ”
И ОБОСНОВАНИЕ ОПЫТА ПОЭТА-ФИЛОСОФА
ДУХОВИДЦЕМ ДАНИЛОМ АНДРЕЕВЫМ**

Метаисторический труд *Даниила Андреева* (1906-1959) “Роза Мира” создавался в середине 1950-х годов, незадолго до кончины много-страдального автора. Но дух его оставался бодрым, а творческое дерзновение неисчерпаемым. Все это усиливает убедительность рассуждений носителя метафизического мироощущения, сына одного из самых модных прозаиков Серебряного века Леонида Андреева, не чуждавшегося мистических настроений.

“Роза Мира” состоит из двенадцати книг (частей). Каждая из книг содержит по несколько глав. Книга десятая, включающая пять глав, носит наименование “К метаистории русской культуры”. Главы вторая, третья и четвертая посвящены выяснению миссий и судеб духовных деятелей России, отмеченных даром *вестничества*. В главе четвертой внимание автора сосредоточено на Владимире Соловьеве.

По оценке Андреева, Соловьев сочетал в себе *вестника* и *пророка*. Вестник – это причастный к метафизике создатель художественных образов, а “пророк может осуществлять свою миссию и другими путями – через устное проповедничество, через религиозную философию, даже через образ всей своей жизни”¹.

По мере целенаправленного обзора русской литературы XIX века Д. Андреев констатировал, что художественные гении, - в отличие от литературных талантов, сосредоточенных на социально-политических вопросах времени, - “увлекали разум, сердце, волю ведомых не по горизонтали общественных преобразований, а по вертикали глубин и высот духовности...”(с.369-370).

В десятой книге (гл.I) эксплицируется понятие *вестничества*. Отличие творца-вестника в “переживании некоторой, вне личности художника пребывающей силы, в него вторгающейся и в его творческом процессе себя выражающей”(с.370). В подтверждение приводится стихотворение Алексея Константиновича Толстого “Тщетно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель...”(с.370).

Для прояснения понятия *пророк* автор “Розы Мира” привлекает

¹ *Андреев Даниил*. Собрание сочинений в трех томах, т.2. М., 1995, с.369. В дальнейшем ссылки по данному изданию с указанием страниц в тексте.

одноименное стихотворение А.С. Пушкина, которое прочитывается им как как *духовидческое* откровение “об идеальном образе *пророка*” (с.380; курсив мой - И.З.) – о том, кто воздействует всей своей жизнью, “превращающейся в житие” (более поздние примеры - Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский).

Как уточняется в примечаниях Т. Цявловской к пушкинскому стихотворению, картина, изображаемая в данном тексте в отдельных деталях, “восходит к VI главе Книги Исаии в Библии (шестикрылый серафим с горящим углем в руке)”².

Встречей лирического субъекта с серафимом определяется смысл стихотворения “Пророк”(1826):

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, -
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился³.

В “Библейской энциклопедии” *шестикрылые серафимы* определяются как “высшие духовные существа, ближайшие к Богу”.⁴ Говоря словами Андреева, толкующего *пророка* из стихотворения Пушкина, у него “раскрыты с помощью Провиденциальных сил высшие способности духовного восприятия...” (с.380). В стихотворном тексте “Пророка” преобразующее влияние Божественных сил на поэта выражено фигуративно: “Отверзлись вещие зеницы...”; “И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет...”; “И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул”. Стихотворение кончается призывом бога к преображенному им поэту:

“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”.

2 Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах, т.2. М., 1959, с.689.

В главе VI Книги пророка Исаии находим в стихах 6,7: “Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника”; “И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен” (см.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 1968, с.684).

3 Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах, т.2, с.149.

4 Библейская энциклопедия. Репринтное издание 1891 года. М., 1990, с.638.

У литератора-пророка максимально развиты духовное зрение и слух, способности трансфизического восприятия. Андреев замечал, что, и независимо от явления *вестничества* (не говоря уже о редкости появления *пророков*), в течение XIX века в русском искусстве, и прежде всего в литературе, у творцов обнаруживалось стремление “к синтезу художественного и религиозного служения”(с.381).

В “Розе Мира” (кн.6, гл.3 – “Женственность”) развернуто авторское толкование Мирового Женственного Начала как принадлежности “высшей духовной реальности”(с.255).

В результате трансфизических прозрений Владимир Соловьев пришел к осознанию того, что в основе духовности и материальности Вселенной заложено Вечно Женственное Начало, или Мировая Душа. Андреев разделял данное положение христианских мыслителей, чуждавшихся ортодоксии: “Божественную Женственность мы именуем Матерью Логоса и через Него всей вселенной”(с.256).

Повторяя формулу из Евангелия от Иоанна “Бог есть любовь”, Андреев связывал это положение с признанием Женственного аспекта Божества в Троице: “В человеческой любви вообще, то есть в любви ко всему живому, *выражается* (а не отражается) существо Троиединого – существо, которое есть любовь”(с.257; курсив мой - И.З.). Автор “Розы Мира” имел в виду представление об индивидуальной любви, “преломленной множеством слоев космического ряда”(с.257).

Величайшим метаисторическим событием XIX века для русской культуры Андреев считал *низлияние* в нашу галактику “новых божественно-творческих сил”(с.263). Это было “низлияние сил Приснодевы-Матери, но не безличное, ... а несравненно усиленное личным своим характером”(с.263). С духовно-космических высот спустилась и стала видима духовным трансфизическим зрением “Невеста Планетарного Логоса”, “выразительница Вечной Женственности”(с.263).

По описанию Андреева, Владимир Соловьев в пустыне Египта, звездной ночью, “пережил потрясающий прорыв сознания и воочию узрел ... Великое Женственное Существо. Ее, Пресветлую и Благоую, выражение Женственной ипостаси Троицы, мы зовем *Звентой – Свентаню*” (с.263; курсив мой - И.З.). Это метаисторическое событие, по уверению толкователя-духовидца, в отдаленном будущем будет пережито многими сознаниями, настроенными на овладение Божественной истиной, и будет воспринято в нашей астрономической вселенной “как появление Розы Мира”(с.592). Условное имя *Звента-Свентана* ассоциируется в слуховом отношении с торжественным звоном колоколов, а визуально – со светоносным видением.

Как же связывает создатель метафилософского трактата культивируемые им воззрения с реалиями отечественной словесности XIX века? Главу четвертую десятой книги “Розы Мира” он начинает с признания факта обедненности мира русской культуры до указанного времени женскими образами глубинного содержания. Андреев убежден, что по интенсивности выражения Женственного Начала Россия до наступления XIX века не могла соперничать с Европой. Он припоминает образы греческой мифологии (Елена, Андромаха, Пенелопа, Антигона, Федра), привлекает героический эпос древних германцев (Брунгильда, Гудруна, Кримгильда), мифологию и эпос индийской культуры. Но в XIX веке положение относительно России кардинально меняется: Женственное Начало буквально заполонило русскую литературу и искусство. Автор “Розы Мира” особо выделил в этой главе “метаисторическое значение” творчества И.С. Тургенева, создавшего “галерею женских образов, отмеченных влиянием Навны и Звенты-Свентаны”(с.410-411). Уточним, что Навна – условное имя “идеальной Соборной Души Российской метакультуры”⁵.

Владимир Соловьев как автор поэмы “Три свидания” поставлен в число российских литераторов - ваятелей Вечно Женственного Начала. Андреев пытается раскрыть метафизический смысл его поэмы в ситуации, когда текстом произведения он не располагал, а целостное духовное наследие Соловьева было недоступно читателям. По уверению создателя “Розы Мира”, поэт-пророк “пережил трижды, и в третий раз с особенной полнотой, откровение Звенты-Свентаны...”(с.415). Откровение было пережито им “в форме видения, воспринятого через духовное зрение, духовный слух, духовное обоняние, органы созерцания космических панорам и метаисторических перспектив – то есть через все высшие органы восприятия, внезапно в нем раскрывшиеся”(с.415).

Как философ телеологического склада Соловьев искал в истории европейских религий аналога и остановился на “гностической идее Софии Премудрости Божией”. Вместе с тем он понимал, что для “постановки вопроса о связи идеи Софии с православным учением время не пришло”(с.415). Это вызвало бы раскол в церкви, а Соловьев-духовидец ни в коей мере не желал раскола. Он настаивал на возможном, с его точки зрения, воссоединении Восточной (православной) и Западной (католической) церквей, о чем свидетельствует его опубликованный на французском языке в Париже труд “La Russie et l’eglise universelle” (“Россия

5 См. Андреев Даниил. Собрание сочинений в трех томах, т.2, с.593 (из “Словаря имен и терминов в “Розе Мира”).

и Вселенская церковь”, 1889).⁶ В России богословский труд Соловьева воспринимался как еретический, в то время как он добивался усиления роли христианства в мире накануне предвещаемого им прихода Антихриста.

Условия мешали свободному развитию его духовидческого дара, и понятийно он не развил свой “пророческий духовный опыт”, и его религиозно-философская система осталась недостроенной.

Какую же опасность видел Вл. Соловьев в утверждении “представлений о различии божественно-мужского и божественно-женского начал”(с.416)? В том, что в религиозных представлениях Божественная духовность могла быть замутнена “сексуальной стихией”, отождествлением понятия “космический духовный брак” с “чувственной любовью”, что, в свою очередь, свидетельствовало бы о допущении “ритуального разврата”(с.416).

Соловьев был осведомлен о метафизических подменах, подстерегающих недостаточно подготовленное сознание, в котором “зов Вечно Женственного” может быть замутнен “слоями страстных... эмоций”, вдохновляемых Великой Блудницей (пример Александра Блока, на котором останавливался Даниил Андреев в том же трактате)⁷.

Миссия Владимира Соловьева заключалась “в пророчестве о Звенте-Свентане и в создании исторических и религиозных предпосылок для возникновения Розы Мира”(с.417). “Розу Мира” Андреев определял как всехристианскую церковь будущего, связанную “со всеми религиями светлой направленности”(с.593).

Духовидец Даниил Андреев продолжал движение по пути, намеченному Владимиром Соловьевым, и извещал заинтересованных читателей о посмертной судьбе своего предшественника: “...тот, кто был позабытым философом-идеалистом в России, теперь достигает и творит в таких мирах, куда еще не поднялись даже многие из светил Синклита”(с.418).

х х х

Обратимся к личности, судьбе и отдельным сторонам философии Владимира Соловьева как автора поэмы “Три свидания”(1898).

Владимир Соловьев (1853-1900) в настоящее время признан основоположником русской религиозно-нравственной философии. Его первая, магистерская диссертация “Кризис западной философии. Против

⁶ *Соловьев Вл.* Россия и вселенская церковь (в переводе с французского). М., 1911.

⁷ См. *Захариева И.* Русские поэты XX века. Феноменальные эстетические структуры. С., 2007, с.51-57 (статья “Неконвенциональное истолкование мироощущения и лирики А.Блока”).

позитивистов”(1874) содержала аргументацию против философского материализма, а вторая, докторская диссертация “Критика отвлеченных начал”(1880) отражала неудовлетворенность ученого ортодоксальным духом академической философии. Он желал *живого* философствования, связанного с человеческим бытием и моралью.

Согласно классификации современного исследователя, философская система Вл. Соловьева основывается на трех составляющих: учение о нравственности, учение о знании и учение о красоте⁸. По мысли философа, абсолютная идея “выступает в модусе разума как Истина, в модусе воли как Добро и в модусе чувства как Красота”⁹.

Эстетические взгляды Соловьева получили развернутое выражение в работах “Общий смысл искусства”(1890) и “Красота в природе”(1899), а его размышления на этические темы содержатся в труде “Оправдание добра”(1899).

В диссертации “Критика отвлеченных начал” он выразил свое философское кредо, которое обобщенно сформулировал в частном письме А.Кирееву (1881). Признавая существование бытия материального, или природного, и бытия идеального, или божественного, диссертант утверждал немыслимость существования одного без другого, а основной задачей философии считал установление “внутренней связи между началом божественным и началом материальным”¹⁰. Отметим, что при защите диссертации присутствовал и Ф.М. Достоевский, оказавший нравственно-эстетическое влияние на Соловьева.

Вскоре после защиты докторской диссертации его отстранили от преподавания в Петербургском университете (1881) за публичную речь, призывавшую не подвергать смертной казни, а по-христиански помиловать народовольцев, убивших императора Александра II-го.

С этого времени он живет в России на положении интеллектуала без стабильного дохода; мыслителя, подозреваемого в уступках религиозной ереси. Проявляется как творческая натура в различных гуманитарных областях: создает самобытные философские труды, пишет публицистические и литературно-критические статьи, публикует в прессе стихотворения – оригинальные и переводные.

С юношеских лет Вл. Соловьева отличало страстное стремление приблизиться к абсолютной Истине.

8 Гулыга Арсений. Философия любви // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах, т.1. М., 19881 с.37.

9 Роднянская И. Соловьев В.С. // “Краткая литературная энциклопедия”, т.7. М., 1972, с.54.

10 Письма В.С. Соловьева, том I. Санкт-Петербург, 1908-1911, с.98.

В середине 1870-х годов, после окончания историко-филологического факультета Московского университета (1869-1873), ему удалось добиться служебной командировки в Лондон для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой философии. В то же время *неофициально, втайне* Соловьев делал “любопытные записи с разными чертежами, с упоминанием Каббалы, Бёме, Сведеборга, Шеллинга... Все эти черновики связаны с его занятиями проблемой Софии”. “Эта проблема имела центральное значение для всей жизни и мысли философа”¹¹.

В “Краткой философской энциклопедии” *София* (от греч. sophia – мудрость) толкуется на материале данных русской религиозной философии как “творческая премудрость Божия, в которой заключены все мировые идеи и которая носит в своем сердце всю природу и одновременно является вечной идеей самого человечества. Она олицетворяет женственное в Боге и является символом тайны мира. Изображается на иконах... сидящей на огненном троне между Святой Девой Марией и Иоанном Предтечей, с пылающими крыльями и огненного цвета ликом”¹².

Следующий интересующий нас вопрос, каким образом в философию Владимира Соловьева вписывается ведущая проблема Софии. Софийную теорию он развивал в книге “Россия и вселенская церковь”, в работе “Философские основы цельного знания” (1877).

Николай Бердяев выделял универсализм философии Вл. Соловьева: “...всю жизнь он подлинно пребывал в церкви вселенской”¹³. Мыслитель-идеалист задумывался о направленности исторического и вселенского процесса, внося в него идею “положительного всеединства”. По Соловьеву, “идеальный образ всеединства... носит не безличностно-системный, а органически личный характер, это “лицо-идея”, “София, премудрость божия”, вечная женственность, “... действительно вместившая полноту добра и истины, а через них нетленное сияние красоты, чьей одухотворенной и просветленной плотью по завершении космическо-исторического процесса становится мировое целое”¹⁴.

В девяностые годы Владимира Соловьева томило предчувствие близящейся духовной катастрофы всемирного масштаба. В год смерти он написал философскую работу “Три разговора”, а завершение третьего разговора представляет отдельно озаглавленная “Краткая повесть об

11 Лосев А. Владимир Соловьев и его время. М., 1990, с.44.

12 Краткая философская энциклопедия. М., 1994, с.427.

13 Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл.Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991, с.357.

14 Краткая литературная энциклопедия, т.7, с.54.

Антихристе”. Предвосхищая наступление могущественных трансфизических сил энтропии, деструкции, он направляет всю свою мыслительную энергию на развитие прогностических идей формирования одухотворенного Космоса. К девяностым годам относятся его программные философские работы “Смысл любви”(1892-1894) и “Жизненная драма Платона”(1898). Высшим типом любви (следуя за Платоном) Владимир Соловьев признает божественную любовь, в которой личность выступает *всечеловеком* – в единстве мужского и женского начал.

В российской периодике 1870-х – 1890-х годов печатались поэтические миниатюры Владимира Соловьева - одновременно со стихотворениями А. Фета, А. Майкова, Я. Полонского. Ему принадлежат и поэтические некрологи об упомянутых поэтах-современниках.

Как подчеркивал теоретик символизма Вячеслав Иванов, Соловьев “определял истинное искусство как служение теургическое”¹⁵. Это положение получало подтверждение в соловьевской лирике. Его мировидение можно определить как *теургическое*, но немало у него и стихотворений *самодостаточных* в рамках реального бытия – вне предполагаемого метафизического *двоемирия*. Правы были те друзья и коллеги, которые характеризовали натуру Вл. Соловьева как *антиномичную* (например, С. Маковский).

После пребывания в Египте в ноябре 1875 - марте 1876 года в стихах его сделался преобладающим мотив, связанный с Вечной Женственностью в воплощении божественном и антропоморфическом.

После пребывания в Египте он сблизился с семьей незадолго до того умершего писателя Алексея Константиновича Толстого (1817-1875). В домашней атмосфере, исполненной романтики, Соловьев познал самую большую в своей жизни любовь. Чувство его к Софье Петровне Хитрово (1848-1910), племяннице вдовы Толстого, предположительно оставалось платоническим, а желаемое бракосочетание с ней казалось невозможным: женщина, старше его на пять лет, состояла в браке и растила троих детей. Тем не менее их соединяла многолетняя дружба. Только десять лет спустя (1887) он отказался от мысли увидеть Софью Петровну своей женой и, несмотря на другие душевные увлечения, остался одиноким, устремляясь навстречу болезням и смерти.

В 1890-х годах популярность его личности и идей достигли апогея. После кончины философа младосимволиста (А. Блок, А. Белый, С. Соловьев) единодушно признавали его учителем в области эстетической философии.

С.П. Хитрово жила с детьми в имении Толстых Пустынька, неда-

¹⁵ *Иванов Вячеслав. О значении Вл.Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991, с.353.*

леко от Санкт-Петербурга. Для бездомного Соловьева это место стало чем-то вроде отчизны души: он знал, что в Пустыньке его ждут. "...Софья Петровна Хитрово была для Вл. Соловьева одним из отдаленных подобий той Софии, которую он использовал как основное природно-философское понятие".¹⁶

Соловьев-поэт был первым истинным певцом трансфинитной Женственности, которой в порыве возвышенных чувств придавал личностную форму, первым поэтическим рыцарем Прекрасной Дамы - обитательницы иных миров. Книга Александра Блока "Стихи о Прекрасной Даме" (1905), сделавшая его знаменитым в русской поэзии, светилась отраженным светом соловьевских идей, а в творчестве главное – *первопродство*.

Художественный критик Сергей Маковский пытался описать собирательный образ идеальной Возлюбленной поэта-философа:

"Кто она? Существо неизреченно-высокое, женское олицетворение мировой души, посредница между землей и небом. Для Соловьева образ ее сливается с дохристианским образом Афродиты-Урании и с Эросом, побеждающим смерть".¹⁷

Первое (московское) издание "Стихотворений" Вл. Соловьева относится к 1891 году. В год смерти он написал предисловие к третьему, дополненному (включающему и поэму "Три свидания"), изданию "Стихотворений" (Петербург, 1900; Москва, 1903). В тексте, предваряющем будущую книгу, запечатлено авторское проникновение в суть образа героини. Для этого понадобилось обращение к тексту Библии:

"Жена, облеченная в солнце, уже мучается родами: она должна явить истину, родить слово, и вот древний змий собирает против нее свои последние силы и хочет потопить ее в ядовитых потоках благовидной лжи, правдоподобных обманов. Все это предсказано, и предсказан конец: в конце Вечная красота будет плодотворна, из нее выйдет спасение мира, когда ее обманчивые подобия исчезнут, как та морская пена, что породила простонародную Афродиту. *Этой* мои стихи не служат ни единым словом, и вот единственное достоинство, которое я могу и должен за ними признать".¹⁸

После подобного высказывания беспричинны намеки толкователей на мистическую эротоманию автора.

Образ Жены, облеченной в Солнце, рисуется в главе XII новозаветного Апокалипсиса. В этом предельно обобщенном библейском образе

16. Лосев А. Владимир Соловьев и его время, с.53.

17. Маковский С. Последние годы Владимира Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве, с.231.

18. Цит. по: Лосев А. Владимир Соловьев и его время, с.239-240 (курсив мой - И.З.).

усматривается и представление о Богородице, в муках родившей Христа, и представление о космогонической и эсхатологической стихии, воздействующей на мир в пору воцарения на Земле Антихриста. “И даны были жене два крыла большого орла, чтоб она летела в пустыню... и там питалась в продолжение времени, времен и пол-времени” (Откровение Иоанна Богослова, глава 12, стих 14).¹⁹

Когда же Иоанн увидел “новое небо” и “новую землю”, к нему приблизился один из семи Ангелов и сказал: “пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца” (глава 21, стих 9). “И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенный для мужа своего” (глава 21, стих 2).²⁰

Как известно, Агнец Божий – символ Иисуса Христа, а невеста Агнца, как сказано в новозаветной Библии, есть Церковь Христова. Библейские образы составляют идейное зерно соловьевской концепции Софии.

После эзотерического переживания в Каире в 1875-1876 годах, еще находясь на земле Египта, Вл. Соловьев пишет три стихотворения, связанные с пережитым соприкосновением с Женственным Божеством.

Две строфы лирической миниатюры “Вся в лазури сегодня явилась / Предо мною царица моя...” запечатлевают душевный подъем авторского Я при мысленном созерцании *царицы* на фоне безграничной лазури. Образ вписан в космогоническую панораму. Душа поэта, засветившаяся „тихим светом” в ощущении близости идеала, растворена в „лучах восходящего дня”. В отдалении от него догорает „злое пламя земного огня”²¹. Лирический субъект мысленно устремляется вверх по небесной вертикали.

Начало второго стихотворения “У царицы моей есть высокий дворец / О семи он столбах золотых...” представляет парафраз из “Притчей Соломоновых”: “Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его...”(глава 9, стих 1).²²

Автор дает поэтическое переложение новозаветного сюжета “войны в небе” и “низвержения сатаны” (см. “Откровение Иоанна Богослова”, гл. 12). Сюжет с применением прозрачной метафорики рисует скорбь *царицы* по поводу дорогих жертв во имя всечеловеческого спасения: “Ей туманит печаль свет лазурных очей, И мечта ее скорби полна”; “С злою

19 Библия, Книги Нового Завета, с.284.

20 Библия, Книги Нового Завета, с.291.

21 Соловьев Владимир. „Неподвижно лишь солнце любви...”. Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990, с.22-23. В дальнейшем стихотворения и поэма цитируются по данному изданию с указанием страницы в тексте.

22 Библия. Книги Нового Завета, с.647.

силою тьмы в одиночном бою / Гибнет ею покинутый друг”; “И покрыла его, тихой ласки полна, / Лучезарным покровом своим” (с.23).

Обожание *царицы* поэтом вызвано тем, что она сумела вместить в себя боль за *весь* человеческий род и любовь ко *всем* страждущим. В одержимости Вл. Соловьева образом *царицы* с “лазурными глазами” читается призыв к преодолению эгоизма индивидуальной любви ради сплочения человечества во всемирной *христианской* любви.

В третьем стихотворении “Близко, далёко, не здесь и не там...” память возвращает автора в отдаленное прошлое, когда он пережил в 9-летнем возрасте первое *видение* олицетворенной Женственности:

В образе чуждом являлася ты,
Смутно твой голос звучал,
Смутным сознанием детской мечты
Долго тебя я считал.

Еще в средние века философия, – а в восточнохристианском представлении и София, – изображались “в образе Прекрасной Дамы, а ее поклонники (т.е. ученые, чаще всего монахи, чуждые плотской любви) – в образе рыцарей, сражающихся за своих дам на многочисленных диспутах-турнирах”.²³ Владимир Соловьев как мыслитель следовал европейской философской традиции.

В 1898 году русский поэт, одержимый образом Прекрасной Дамы, предпринимает вторую поездку в Египет, видимо, с целью воскресить в памяти пережитые мгновения 1875-1876 годов. По возвращении он едет в Пустыньку и создает там поэму “Три свидания”, которую “считал самым лучшим и важным из своих произведений”.²⁴ Поэма была опубликована впервые в санкт-петербургском журнале „Вестник Европы” (1898, №11).

Чтобы распознать черты творческой манеры Соловьева-поэта, приведем его фразу: “- Я не думаю, я знаю”²⁵. Глубинное *знание* того, что воспринималось окружающими как мистифицированная абстракция, давало ему возможность развивать метод т. наз. *мифологического реализма*. Сходного метода в пору расцвета своего творчества придерживались Ф.М. Достоевский и А.К. Толстой.

Поэма “Три свидания” композиционно представляет *триптих* и снабжена хромотопными координатами: “Москва – Лондон – Египет. 1862-75-76”.

23 См. *Бычков О.В.* Духовное завещание А.Ф. Лосева // А.Ф. Лосев и культура XX века. Лосевские чтения. М., 1991, с.195.

24 См. *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время, с.96.

25 См. *Ельцова К.* Сны нездешние // Книга о Владимире Соловьеве, с.139.

Во вступлении идеальная героиня, к которой обращено произведение, названа “Подругой вечной”. В строках вступления автор дает понять, что в земной женщине он пытался *прозреть* ее божественную природу. Но автентичное, в его восприятии, Женственное Начало раскрылось ему в трансфизическом образе, обретшем личностные черты (“На зов души твой образ был ответ”).

В первой части, переключаясь с третьим стихотворением 22-летней давности, поэт обращается к своему детскому экзальтированному чувству. Ранняя влюбленность привела ребенка к церковному алтарю, где он лицезрел Женственность в образе прекрасной женщины:

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман (с.119).

Тогда же, по его признанию, небесное видение вытеснило из его воображения искрометную детскую любовь (“Лазурь кругом, лазурь в душе моей”). Поэт строит образ Женственности на колористике христианских икон: “золотистая лазурь” доминирует в поэме и в стихах, связанных с поэмой (с.119).

Во второй части произведения усиливается компонент автобиографического стихотворного повествования. Языковая стилистика выдерживается в будничном регистре, с привнесением оттенка самоиронии:

Прошли года. Доцентом и магистром
Я мчуся за границу в первый раз.

По мере того, как утверждается преданность поэта мечте о Ней, в бытовой пласт языка проникает лиризм: “Не быт людей, не страсти, не природа - / Всей, всей душой одна владела ты” (с.120).

Автор *раскрывает* перед читателем *свой* путь обретения близости с небесной возлюбленной:

.....видит Бог,
Что тайные мне силы выбрали
Все, что о ней читать я только мог.

Чувство Вл. Соловьева к Ней культивируется религиозной книжностью, независимо от определенных конфессий.

В лондонском Британском музее он во второй раз прозревает духовным зрением Женственную ипостась Космоса:

.....
Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова –
Одно ее лицо – оно одно (с.120).

В желании лицезреть божественную красоту в возможной целостности формы, он слышит внутренний “голос”, зовущий его ехать в Египет и отправляться в пустыню.

Рассказ о третьем “заветном свидании” (с.121) на уровне стиля строится на контрапункте *ирония / серьезность*. Этот распространенный в XIX веке интонационный сплав был унаследован русскими литераторами от немецких романтиков.

Психоаналитики-интуитивисты считают, что переход от реальности к потусторонности совершается во сне. Стремясь соблюдать требования *тематической* точности, поэт признавался, что при третьем свидании его сознание пребывало на грани *сон / явь*:

И уснул, когда ж проснулся чутко, -
Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня (с.123).

Соловьев оговаривает вольное заимствование из стихотворения М.Ю. Лермонтова во второй строке приведенного катрена²⁶. Строка “Дышали розами земля и неба круг” отсылает к церковной иконографии, где **роза** символизирует “царицу небесную Марию и девственность”.²⁷

Волнение же читателя возникает от того, что перед нами *доподлинная* передача трансфизического прорыва сознания поэта-философа и картинное лицезрение Женственной ипостаси Божественной Троицы.

26 Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах, т.1. М., 1957, с.37:

Люблю мечты моей созданье

С глазами полными лазурного огня...

/Из стихотворения „Как часто, пестрою толпою окружен...”, 1840/.

27 Бидерманн Ганс. Энциклопедия символов. Перевод с немецкого. М., 1996, с.224.

Открывшийся ему “образ женской красоты” назван “видением”, увиденным *воочию*. О том, что метафизическое событие *состоялось*, вещает экстатическое состояние автора: “Душа молилась, / И не смолкал в ней благовестный звон” (с.122).

К финалу, вместо ожидаемого наплыва лиризма, совершается *языковое* возвращение к бытовой реальности с нотками самоиронии: ”И к вечеру пришел домой в Каир. /.../ На сапогах - виднелось много дыр” (с.123).

Но заключительный аккорд повествования выдержан в стиле религиозной экзальтации и звучит в музыкальной тональности *grecendo* (возрастая). Подобная тональность достигается в поэме *кольцевым* обрамлением из двух строф. Предпоследняя строфа третьей части *перекликается* со второй строфой вступления. Представим их в сопоставлении – с выделением измененных слов.

Из вступления:

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И **узнавал** сиянье Божества.

Из финала третьей части:

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И **ощутил** сиянье Божества.

В двух перекликающихся катренах заключен смысл произведения: автор рассказал о том, как объект веры превратился для него в реальное воплощение идеала. Соловьев хотел сделать религию жизнотворчеством.

Метафилософское толкование поэмы Владимира Соловьева “Три свидания” Даниилом Андреевым по истечении полувека (притом в ситуации воинствующего атеизма и общего неведения о деятельности поэта-философа) не противоречит историко-литературному анализу произведения. Наоборот – анализ подтверждает сказанное Д. Андреевым. Мы сталкиваемся с примером того, как Женственное Начало на рубеже XIX-XX веков различными путями проникало в русскую культуру.